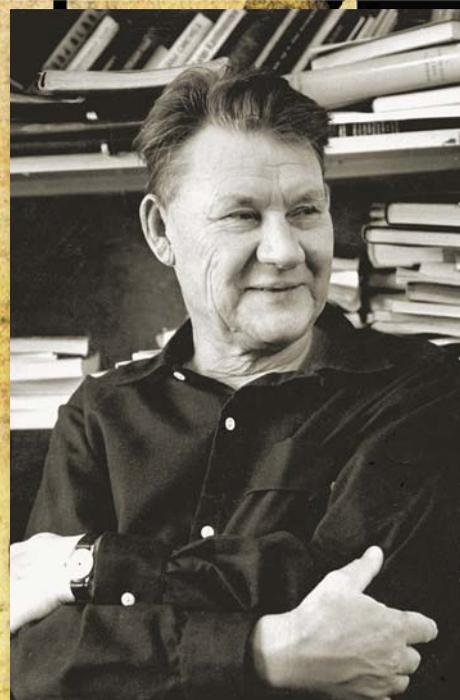

ПОКОРИТЕЛИ ПОЛЯРНОЙ НОЧИ

Не умирай, пока живешь.
Изречение древних галлов

ВСПОМНИМ А. П. ОКЛАДНИКОВА

Этой публикацией главы из книги Е. И. Деревянко, А. Б. Закстельского «Тропой далеких тысячелетий» мы хотим вспомнить замечательного ученого, удивительного человека и великого путешественника Алексея Павловича Окладникова, основателя школы исследователей истории, археологии и этнографии Сибири, Дальнего Востока, Средней и Центральной Азии.

Окладников начал готовиться к новому очень трудному путешествию.

Экспедиция на остров Фаддея и залив Симса вновь привела его к раздумьям о судьбах народов Севера Азии.

Два века назад люди пришли в Арктику, владея металлом, порохом, и все же полярная ночь, как говорят, поглотила их.

И даже мальчики удивленно спрашивали Окладникова: «Как же в первобытные времена, тысячелетия назад, люди, вооруженные только камнем, сумели покорить ее? Кто они? Какой несгибаемой силой духа должны были они обладать, чтобы совершить такой подвиг?»

И он с нетерпением ждал того дня, когда сможет отправиться туда, где этот подвиг был особенно ярким, раскрыть историю тех лет, рассказать миру о людях, поражающих мужеством и стойкостью.

Конечно, он понимал, что поездка будет очень тяжелой. Снова одинокая лодочка, комары, мошка, угрюмость тайги и суровость тундры. Ледяные, обжигающие ветры Ледовитого океана, ночевки в холодной палатке, поставленной на снегу. И, конечно, особенно тяжело будет Вере Дмитриевне.

Все это хорошо знал археолог.

Не знал он лишь одного: в этой поездке и он, и Вера Дмитриевна едва не погибнут.

На Дальний Восток прибыли в мае.

Академик Борис Дмитриевич Греков написал письмо начальнику Дальстроя генерал-лейтенанту Никишову с просьбой оказать содействие Окладникову.

Никишов пробежал письмо и пристально посмотрел на Алексея Павловича.

— Так вы и есть Окладников? Слышал, слышал...

Разговор затянулся.

— Что же вас интересует в наших краях?

— Ищу следы предков местных народов. Хочу побывать на побережье Охотского моря, на острове Ольском, полуострове Кони, мысе Алевина, на лодке пройти по Колыме. Начав с ее устья, выйти к Ледовитому океану и океаном добраться до Баранова мыса и мыса Сарычева. Поищу места, где впервые в истории в 1794 году Сарычев произвел археологические раскопки в условиях Арктики.

— Слышал о них, — протянул Никишов. — Ради любопытства хотите взглянуть на те места?

— О нет, — протянул Окладников. — Я хочу провести раскопки. Ищу следы предков эскимосов. История этой народности меня особенно интересует.

— В связи с чем?

— Видите ли, эта народность загадочной судьбы. В сознании некоторых ученых ее история связывается с историей также загадочных палеолитических племен — мадленцев. Они создали удивительную культуру ледникового периода, оставили в глубине европейских пещер потрясающие своей реалистической силой изображения мамонтов, носорогов, диких быков. Однако, создав высокую для древнекаменного века культуру, они таинственно исчезли. И вот здесь, на краю Азии и Северной Америки, нашлась народность, по культуре чрезвычайно сходная с мадленской. Это эскимосы. Однако сходство не ограничивается искусством. Оно относится и к образу жизни, и к домашней утвари. И у тех, и у других, например, жилища глубоко опущены в землю. Гарпуны точно такие, как у мадленцев. И некоторые историки заявляют, что эскимосы это мадленцы, покинувшие Францию. Якобы следуя за своей пищей — табунами северных оленей — мадленцы уходили вместе с отступавшими ледниками все дальше на Восток и на Север. Пересекли всю Азию, пришли в Арктику и дожили здесь до наших дней. Представляете? Мы высоко, очень высоко ценим изумительное искусство мадленцев, оставивших росписи в пещерах Альтамиры и Фон-де-Гомы, но все же...

— Да, да, об искусстве мадленцев я, разумеется, слышал, — задумчиво протянул Никишов. — Ведь я историк...

— Простите, я этого не знал, — рассмеялся Окладников, — и раскрываю вам азбучные истины.

— Нет, то, что вы рассказали, очень интересно, — вставая и прохаживаясь по комнате, сказал Никишов. — А ваше мнение об истоках культуры эскимосов, Алексей Павлович?

— Между мадленцами и эскимосами дистанция не только в десятки тысяч километров, но и в десятки тысячелетий. И если у эскимосов с тех пор ничего

не изменилось — выходит, это действительно живые окаменелости. Но мы историки-марксисты опровергаем такой взгляд на народы вообще и северные в частности. Уверен, что и эскимосы не исключение, что это самостоятельно возникшая народность, и они внесли немалый вклад в историю культуры человечества. Однако это надо доказать.

Никишов остановился перед археологом и, в упор глядя на него чуть прищуренными глазами, заметил:

— Какое благородное дело вы выполняете!

Он постоял, посмотрел на Окладникова и продолжал:

— Я вам завидую в хорошем, конечно, смысле. Я люблю историю и всегда готов к ней вернуться. Но мне говорили: здесь важнее. И я соглашался. А вот, слушая вас, впервые задумался, так ли это?

— Не берусь судить, — осторожно заметил Окладников, — Помните слова песни: «И что положено кому, пусть каждый совершит».

— Что же, партия велит Вам быть там, мне здесь, значит так надо, — сказал Никишов и присел к столу. — Чем же вам помочь? Скажите. Транспорт, люди — все будет...

И уже прощаясь, сказал:

— Кстати, эскимосы себя эскимосами не называют. Эскимосы на языке алгонкинцев означает — питающиеся сырым мясом. Эскимосам, естественно, это не нравится, и они называют себя — иннуиты, то есть люди.

Окладников кивнул и улыбнулся. Он, конечно, знал это.

Окладникову дали катер, чтобы объехать побережье Охотского моря, и автомашину, которая после должна была его и Веру Дмитриевну довести до устья Колымы, откуда археологу предстояло на лодке плыть к Ледовитому океану.

Никишов настоял, чтобы Окладников взял с собой двух охранников.

— Зверей здесь много, — пояснил он.

Для охраны им дали бывших уголовников, отбывавших ссылку.

— Они будут нас охранять от других, — улыбнулась Вера Дмитриевна, — а кто будет нас охранять от них?

Начальник охраны рассмеялся:

— Если бывшим заключенным поручить охрану объекта... можете не сомневаться, они к нему ничего живого и близко не подпустят.

Один высокий, грузный, пожилой и, видимо, уже много на своем веку повидавший, из под нависших кудлатых бровей хмуро глядел на Окладникова, стоя навтыжку. Другой, помоложе, с черными, живыми вороватыми глазами весело поглядывал то на Окладникова, то на Веру Дмитриевну, оглядывая их с головы до пят, словно примеряясь к ним.

— Явились в ваше распоряжение, гражданин начальник, — хрипло сказал тот, что постарше.

— Меня зовут Алексей Павлович, а ее Вера Дмитриевна.

— Понятно, так-то попроще.

— А вас?

— Макинин я. А этот Гризук.

— А попроще?

— Это как?

— По имени-отчеству.

— Василием Степановичем когда-то звали, а этого ...

— Я Петро, — бойко ответил чернявый.

— Вот и познакомились, — подавая им руку, сказала Вера Дмитриевна.

Охранники переглянулись, поглядывая на руку Веры Дмитриевны, потом осторожно, словно боясь сломать, пожали ее.

— Значит, делать-то что мы будем, гражданин начальник? — сказал Макинин.

— Я Алексей Павлович, — поправил Окладников.

— Запоматова. Непривычно. Прошу прощения.

О-в Ольский. Бухта Рассвет. Местонахождение древних стоянок

Маршрут экспедиции на Колыму. Лист из дневника А. П. Окладникова. СПб филиал Архива РАН

В сообществе с этим работами
были бы осуществлены следующие
исследования:
Ленинград - Якутск - Магадан
- Остров Завьялова (Ольский)
п.о. Кони (мыс Алевина) Атар
- гана - Магадан - Среднекан
и далее вниз по Колыме до
п.о. Амбаргика, оттуда в
Рауца и обратно на мыс
Б. Баранов - Амбарган, р. Медвеж
- ку, Кресты Колымские, из
Крестов Колымских обратно в
Москву. Работы начаты в августе
24/8, вернулись в Л-д 12 октября
1946 г. В работах участвовали А. П.
Окладников (нач-к), В. Д. Запорожская
(И. Соп), Барашков И. И. (И. Соп), а
также два рабочих (И. И. и И. И. И.)
позже на короткое время местных людей.

Колыма, остров Ольский. СПб филиал Архива РАН

— Грести, копать, если звери нападут — отбиваться. Дел много...

— А дел не боимся. Только чтобы характеристику заполучить ладную.

— При чем тут характеристика? От кого? — удивилась Вера Дмитриевна.

— От вас, — снова бойко заговорил Петро. — Нам так и сказали: даст вам профессор хорошую характеристику, тут же отпустим домой.

Вера Дмитриевна недоуменно переглянулась с Окладниковым.

— Все зависит от вас, — сказала она.

— Ежели от нас — все будет добре, — радостно выкрикнул молодой.

— А отчего не спрашиваете, как мы тут оказались? Небось все знаете? — хрипло спросил Макиннин.

— Ничего не знаем и знать не хотим, и никогда об этом нам не рассказывайте, — резко ответила Вера Дмитриевна, — с нами забудьте обо всем, что было в прошлом. Прошло, кончилось и все.

Хрипатый взглянул на молодого.

— Это дело. Так-то жить полегче будет. Вроде и с нами ничего такого не было.

И обращаясь к Алексею Павловичу:

— Гражданин начальник, то бишь Алексей Павлович, а как будет, ежели мы с собой собаку возьмем?

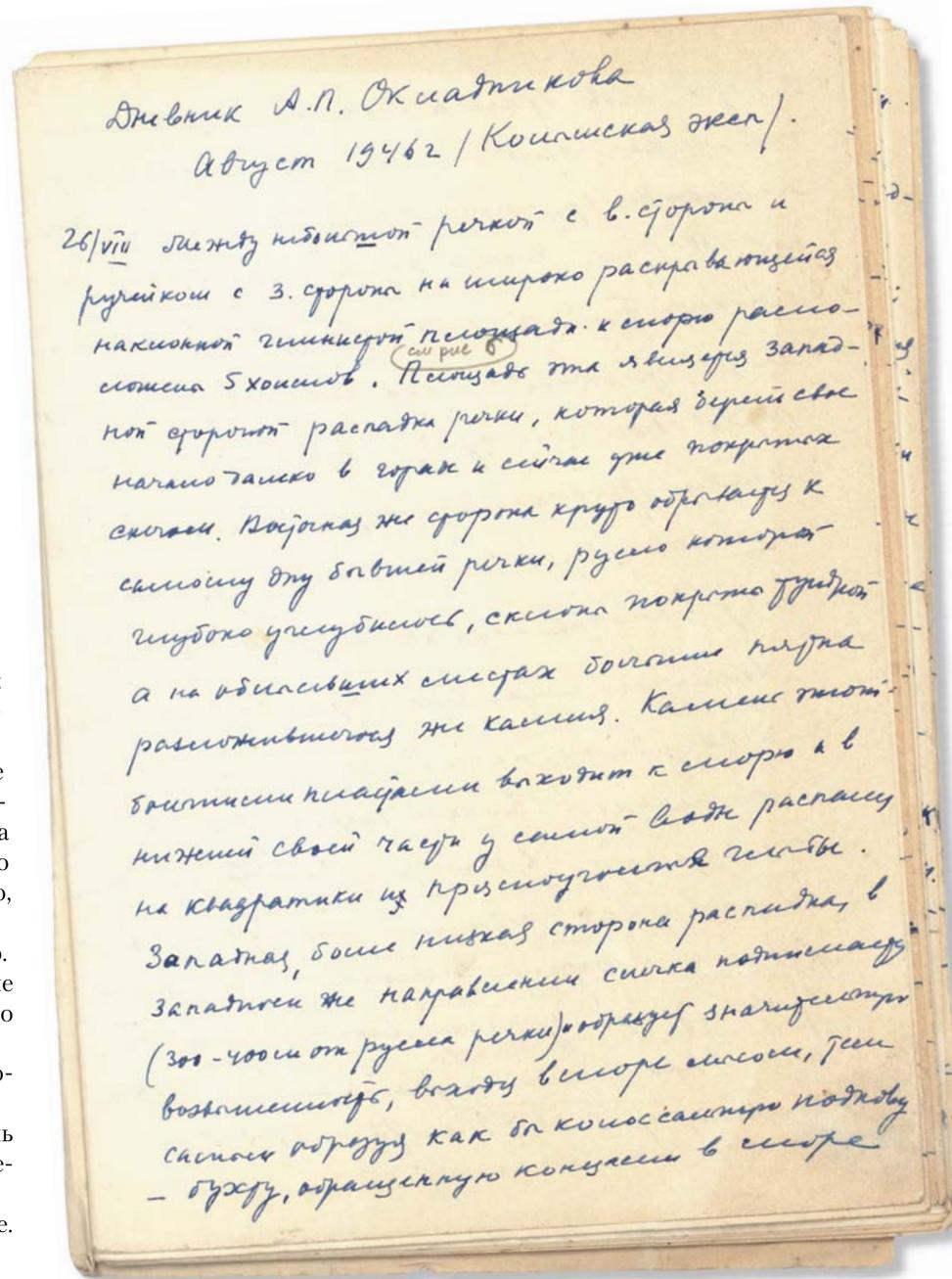
— А так и будет, что вы ее повезете. Собака ваша?

— Нет. Один из наших вскормил. А срок вышел. Уехал. Да бросать-то жалко, все-таки живая тварь. Возьми, говорит.

Он тут же привез здорового лохматого пса. Он тащил пса на цепочке, пес упирался, рычал, показывая огромные белые клыки.

— Что он такой? — сказала Вера Дмитриевна и протянула руку, чтобы погладить собаку.

— Ни-ни, — остановил ее хрипатый. — Схватит. Злющая. По хозя-

ину тоскует. Никого не подпускает, ничего не берет.

— Приучим, — успокоила его Вера Дмитриевна.

Пес ей понравился. Это была обычная дворняга, однако с памятной расцветкой. Золотистая, с белыми лапами и кончиком хвоста, с белым пятном на лбу.

— Расцветка оригинальная, — заметила Вера Дмитриевна.

Колымская экспедиция.
Копия листа из дневника А. П. Окладникова.
СПб филиал Архива РАН

— Золотистая с белыми окаемками, — сказал Грицко.

— Значит, поплывем четверо в одной лодке, не считая собаки, — рассмеялась Вера Дмитриевна. — Почти так же, как по Джерому.

— Можно и так, — не поняв ее, согласился хрипатый. — Нам абы собаку не бросать. Жалко.

— И ей жить хочца, — кивнул Грицко.

Придавленные судьбой, они какую-то особую жалость питали к животному, словно в нем, в его тяжелой судьбе, видели свою и, жалея его, жалели себя.

В первую ночь, оставшись со своими охранниками в глухой тайге, Вера Дмитриевна задумалась: раньше особенно ценные вещи — часы, деньги, документы — прятали под голову. А сейчас, может быть, положить на виду? Ей вдруг вспомнился эпизод с подсвечниками из романа Виктора Гюго, «Отверженные».

— Алеша, я думаю вещи не прятать.

— Безусловно. Им мы доверяем нашу жизнь...

Одежду сложили кучкой рядом с палаткой. Сверху Вера Дмитриевна положила часы Алексея Павловича.

Вера Дмитриевна проснулась рано и выглянула из палатки. Вещей не было. На их месте лежал большой

брезент. Охранников там, где они ложились спать, не оказалось.

Она сдернула брезент. Блеснули часы. Аккуратной стопкой лежали ее куртка, клетчатая рубашка и пиджак Алексея Павловича. Все так, как было с вечера.

Но где же те двое? Она поспешно натянула телогрейку и побежала к берегу. Они возились у лодки.

— Доброе утречко, хозяйюшка, — крикнул Петро.

— Меня зову Вера Дмитриевна.

— И то верно. Ночью к вещичкам подходил, не слышали?

— Спала крепко.

— Может и так, — хитро блеснув глазами, продолжал он. — Вижу, все лежит наружи. А ведь по утру роса, думаю, часы испортит. Может, деньги есть, или документы намокнут, дай, думаю, брезентом их накрою.

— Спасибо.

— А за что спасибо? На то мы и охрана.

По ночам охранники решили дежурить.

— Зачем? Днем работаете, ночью надо отдыхать, — говорила Вера Дмитриевна!

— Ночью перво-наперво охрана нужна, — хмуро ответил старший.

БАРАНОВ МЫС. ЛАГЕРЬ КОЛЫМСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ. 20.VIII.46г.

Колыма. Лагерь экспедиции на Барановом мысу. 1946 г.
СПб филиал Архива РАН

Птицы.
Акварель,
карандаш.
СПб филиал
Архива РАН

Собаку привязывали рядом с лагерем. Вера Дмитриевна как-то попыталась к ней подойти, но пес вздыбил шерсть и яростно ощерил огромные клыки.

— И меня не подпускает, — сказал Грицко. — В лодку тащить — мотыга. И тоже из лодки. Не жрет который день.

— А ну попробую, — сказала Вера Дмитриевна. — Меня обычно животные любят.

Она взяла корку хлеба и подошла к собаке. Пес не ощерился, но смотрел зло и с руки корку не брал. Вера Дмитриевна бросила ее перед собакой. Пес жадно схватил корку и слотнул мигом. Он остановился, пристально глядя на женщину. Вера Дмитриевна взяла еще кусок хлеба, теперь уже подошла к псу так близко, что он мог броситься на нее. Но он этого не сделал. Она бросила ему кусок хлеба, и пес снова жадно слотнул его.

— Дело идет на лад, — улыбнулась Вера Дмитриевна и принесла третью корку хлеба.

Она повторила это еще дважды, все ближе и ближе подходя к собаке. Пес не злился и охотно ел хлеб.

Завтра и послезавтра повторилось то же самое. Но в лодке собака близко к себе ее не подпускала.

На четвертый день Вера Дмитриевна почти вплотную подошла к собаке, попросив Грицко, чтобы он держал собаку на поводке и в случае чего придержал ее. Вера Дмитриевна была рядом с псом и держала в протянутой руке корку хлеба. Собака некоторое время пристально глядела на женщину, потом взяла хлеб из ее руки. В тот день Вера Дмитриевна кормила пса только с руки. А на следующий день погладила его по голове и ехала рядом с ним.

Но кроме нее, он никого не признавал и близко не подпускал к себе.

Днем он вел себя спокойно. Но ночью начинал беспокоиться. Скулил и порою даже подвывал, словно жалуясь кому-то на свою судьбу.

— По хозяину тоскует, — говорил старшой. — Нет друга вернее, нежели собака. Умереть может за своего хозяина.

И «старшой», и Грицко работали безупречно. Они гребли, копали, охраняли лагерь. И только, когда уже совсем был близок океан, старшой взмолился:

— Устали мы.

— Верю, — ответил Алексей Павлович. — Но осталось немного. — И кивнув на жену, — Она тоже: и гребет, и копает. Женщина, а не жалуется.

— И то правда, — протянул старшой. — Дотерпим.

И с интересом, глядя на женщину:

— А она у тебя знаешь какая? Много женщин повидал, таких не доводилось. Ежели бы я такую когда повстречал, может, тоже человеком стал бы.

Вера Дмитриевна слышала это и улыбнулась. Уже давно она перестала опасаться своих охранников.

Так лучше работалось. Мысль не останавливалась на полдороге. Приходилось думать об одном: поиск, поиск...

Все дальше и дальше на север уплывала лодка.

Впереди лежали неизведанные края, таившие прошлое многих здешних народов.

Правда, о таких народностях, как эскимосы, чукчи, коряки, юкагиры и родственные им гуванцы, написано было много. В. Г. Богоразом, В. И. Иохельсоном, Ф. Боасом созданы о них капитальные труды. Но исследователи описывали то, что видели.

Окладников ставил вопрос шире: как он писал спустя год, ему хотелось установить, какое место занимают коренные жители севера в общечеловеческом процессе культурного творчества, в великом движении человечества от низших ступеней культуры к более высоким!

Конечно, северные племена перед своей первой встречей с европейцами далеко отстали от них. В технике, экономике, общественных отношениях, во всем, что называется культурой... Для Европы это даже не было ее юностью. Младенчество. Это был уровень первобытного ее состояния, когда люди еще не имели писаной истории.

Отсюда легко было сделать вывод, что северные племена вообще не имели истории, когда были в стороне от общего исторического развития человечества.

Да, легко и просто было придти к такому выводу.

А если взглянуть поглубже?

Уже Фритюф Нансен отмечал, что такой маленький, казалось бы, чрезвычайно первобытный народ, как

эскимосы, занимает в истории «оригинальное» и даже «почетное положение». Эскимосов он называл авангардным представителем человечества в его борьбе с мраком полярной ночи, льдами и пургой, бушующей в бескрайних просторах Арктики. Имея в руках только обработанные камни, они устояли против суровой, безжалостной природы. Более того, они создали такую культуру, которая должна занять особое место среди других племенных культур земного шара.

Изыскания начали с Охотского побережья. Побывали на полуострове Кони, острове Ольском, мысе Алевина.

Особенно врезалось в память посещение полуострова Кони.

В Поссовете председатель с узкими глазами азиата, но сравнительно небольшими скулами, улыбаясь (при этом глазки его совсем закрылись), заметил:

— Вам придется взять с собою пограничника с автоматом.

— Зачем? — удивился Алексей Павлович.

— Надо, — не вдаваясь в подробности, ответил председатель.

Пограничники на своем катере доставили их к полуострову, высадились.

Алексей Павлович и Вера Дмитриевна шагали по побережью.

— Гляди сколько троп в траве, — указывая на прибитую высокую траву, сказал Алексей Павлович. — Наверное, скота много.

— А мне говорили, что здесь скота совсем нет, — ответила Вера Дмитриевна. — Говорили, что это дикий край.

Они шли у обрыва холма, словно гигантским мечом срезанного. Из обрыва торчал чудесный каменный кинжал. За обрывом глубиной чуть ли не в три метра была давно заброшенная корякская землянка.

Алексей Павлович начал измерять ее шагами. Там, где склон был пониже, выглянул и увидел, что по траве, не торопясь, бредет серовато-бурая лошадь.

— А говорили — дикий край, — сказал он. — Вон и лошадка. А почему ее выпустили?

Но тут же оборвал себя и бросился к Вере Дмитриевне:

— Медведь.

Пригнулись, притаились. Кричать? Автоматчик не услышит и уже, конечно, не успеет: медведь расправится с ними.

Могло спасти одно — узнать направление ветра. Если он дует со стороны медведя, то зверь их может не учуять.

Алексей Павлович подставил лицо ветру: ветер дул в их сторону. Надо сидеть тихо, буквально затаив дыхание.

Они слышали, как медведь шел. Он шагал тяжело, словно нес большую тяжесть. И дышал тяжело, посапывая, похрапывая. Если бы они не знали, что это огромный медведь, то могли подумать, что мимо проходит дряхлый старик, держа на спине тяжелую вязанку хвороста.

А медведь все шагал, шагал, казалось, мучительно долго.

Но все же постепенно шаги его стали затихать и наконец смолкли.

Алексей Павлович выглянул. Медведь уже был так далеко, что сквозь высокую траву его даже не было видно.

В голове мелькнуло: я сам и Вера Дмитриевна числимся скороходами, значит, и успеем добежать до лагеря, пока медведь их не догонит, даже если учует.

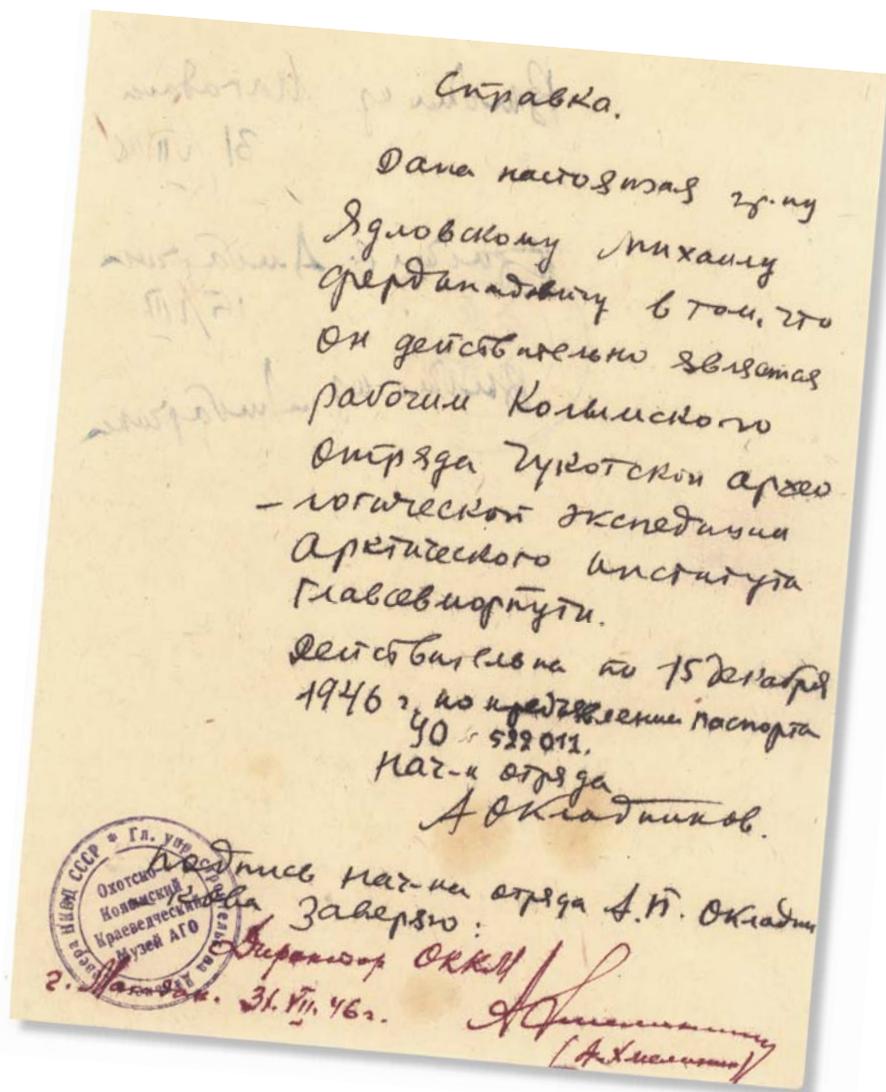
— Бежим, — прошептал он. — Но так быстро, насколько хватит сил.

Он выскочил из землянки, дернул Веру Дмитриевну и побежал. Бежал стремительно, лишь чуть кося глазом — не отстала ли Вера Дмитриевна. И радовался: «Молодец!» Она не отставала.

Лагерь довольно быстро приближался. Он уже совсем казался близок, когда Алексей Павлович увидел, что дорогу им старается пересечь целая медвежья семья: медведица, пестун и медвежонок. Алексей Павлович на бегу прикидывал: успеют медведи пересечь дорогу, или археологи раньше достигнут лагеря?

— Быстрее, Верочка, быстрее, — на ходу кричал он, с опаской следя за женой (не отстала бы) и за медведями. Он видел, что медведица особенно яростно рвется вперед, видимо, опасаясь за медвежонка, а медвежонок, не успевал, валился на бок, и медведица подгоняла его шлепками и потому несколько отстала.

Медведь-пестун namного вырвался вперед, и Окладников прикинул: он успеет их достичь еще до того, как они прибегут в лагерь. Он встанет на дороге.

И Алексей Павлович дико закричал:

— Эй-эй, кто в лагере! Медведь. Стреляйте.

До лагеря оставалось метров триста и было видно, как там все зашевелились, забегали: и старшой, и Грицко, и автоматчик, который вдруг юркнул в палатку и, выскочив оттуда с автоматом, выпустил в медведей очередь. Окладников видел, как медведь, который был впереди совсем близко, наклонил голову, словно в последний раз кланяясь земле, тайге, высокому небу, всему, что его окружало, рухнул на землю и застыл.

Вера Дмитриевна, добежав до лагеря, тяжело опустилась на корягу, а Алексей Павлович оглянулся. Он так запыхался, что даже говорить не мог. Он только указал рукою туда, где должна была быть медведица и медвежонок.

— Убежала, — сказал автоматчик. — И пускай живет.

— Ой, что было, — оживился вдруг Грицко, — я ж та-кого еще не видывал. Как он стрелил, медведица бежать, а медвежонок стоит, а глазищи — во! И тут медведица

Справка, данная А. П. Окладниковым рабочему Калымского отряда Чукотской экспедиции. 1946 г. СПб филиал Архива РАН

оглянулась: медвежонок-то погибнуть может, как же она-то сама побежала и его бросила. Она назад. Как даст ему шлепака, да другого. И погнала наперед себя его, пиная как футбол. Потеха. И так скрылись.

— Во как. Сама собой рисковала, а медвежонка не бросила. Мать. Хоть и зверь, а понимает.

— А как же, — протянул автоматчик, — материнское сердце.

— Только у зверей, как вырос, так про мать и забыл.

— И у людей иной раз так бывает, — покачал головой старшой.

— Это уже последний человек, коли про мать забыл, — зло сказал Грицко. — Я за свою мать и в огонь, и в воду пойду, последнюю корку хлеба отдам.

Вечером у костра вкусно пахло жареной медвежатиной. Разговор шел веселый. Что-то вспомнил старшой, что-то Грицко, когда вдруг Вера Дмитриевна тихо сказала:

— А вот и он!

Алексей Павлович повернулся. Совсем неподалеку, положив лапу на высокое надломленное дерево, словно готовясь произнести речь с трибуны, стоял бурый медведь, вроде тот самый, которого они видели у землянки.

Автоматчик был вдали от них.

— Бежим, — прошептала Вера Дмитриевна.

— Ни в коем случае, того, кто побежит, медведь сразу примет за добычу, — ответил Алексей Павлович, — кричать надо, испугать его... Может быть, к тому времени и автоматчик услышит и прибежит.

И они все вчетвером начали кричать:

— Медведь, медведь!..

Но медведь даже не шелохнулся. Как зачарованный, он глядел на костер, который, видимо, видел первый раз в жизни.

Таким его и успел застать автоматчик. Он дал очередь. Медведь неохотно повернулся и не спеша скрылся в тайге.

— В самом деле медвежий угол, — сказал охранник. — Пожалуй, отсюда лучше убраться. Ночью надо быть начеку.

Заснуть Вера Дмитриевна не могла. Где-то за полночь послышались

Колыма. Бумага, рисунок. Тушь. СПб филиал Архива РАН

тяжелые шаги, сильная морда ткнулась в брезент па-латки и по-лошадиному фыркнула. Потом шаги стали удаляться, хрустнула ветка, и в тайге стало тихо.

На следующий день осмотрели ближайшую местность, ничего, кроме коряцких землянок, не нашли и решили уезжать.

Около полудня подошел катер. Завели мотор, готовясь к отплытию, и Вера Дмитриевна, указывая на берег, сказала:

— Глядите. Это опять он.

По склону сопки, к тому месту, где был лагерь, спу-скался огромный бурый медведь. Вера Дмитриевна не сомневалась, что это — их старый знакомый.

А за ним неторопливо, но грозно, словно армия, готовая идти на штурм, двигалась большая ватага мед-ведей.

— Это они идут для расправы за медведя и за то, что мы нарушили их владение, — сказал автоматчик. — Слышал я, что медведи друг за друга крепко стоят.

— Не знаю, как все, — ответил моторист катера, се-доусый, с зависшими белыми бровями. — Но одно мне известно точно: убьешь медвежонка, медведица тебя из-под земли выкопает, убьешь медведицу, уходи из этого леса: медведь по гроб жизни тебя не забудет, найдет, чтоб расправиться.

Медведи продолжали приближаться. Было в их по-ступии действительно что-то неумолимое и грозное.

— Легко вы отделались, — опускаясь в машинное отделение, сказал моторист. — Не иначе, родились в сорочке.

— Как бы там ни было, — чтобы рассеять мрачное настроение, сказал Алексей Павлович, — опасность миновала.

Не зная, что самая главная опасность ждет их впе-реди.

...Вновь плыли на лодке.

Окладников нашел множество валов с углублениями посредине, утопавшими в траве, которая выделялась своей пышностью. Казалось, природа старается скрыть следы человека, замести их, покрывая густым ковром трав. А на самом деле именно таким путем выдает их. Там, где когда-то жил человек, травы богаче и ярче. Эти места нетрудно отличить.

Таким образом, археолог обнаружил следы древних предков: коряков, затем юкагиров.

Он нашел даже наконечники стрел специфической формы: тонкие, отделанные ретушью ножевидные пла-стины и фрагменты тонкостенных сосудов, поверхность которых была украшена штрихами и шахматными вда-влениями. Такие находки были и на Уолбе на Лене. Даль немалая — Лена и Колыма. А находки похожи. Значит, сюда приходили люди с Лены еще четыре тысячи лет назад.

Больше того, археолог обнаружил наконечники стрел из тонкой пластины с черешком, частично оформлен-

ным ретушью, и наконечники, напоминавшие трех-гранный стержень, сплошь, со всех сторон ретуширо-ванный.

Такие находки обнаруживали в Карелии, в Сканди-навии, в могилах с каменными ящиками. И если для народов Европы это было свидетельством их передовой роли в жизни человечества, почему для народов Азии это признак их отсталости? По меньшей мере, не ло-гично.

Находки были интересные, бесспорно.

Но все же не это, прежде всего, интересовало архео-лога.

Экспедиция продвигалась на север, восток. Лесотун-дра кончилась, и даже те чахлые деревья, которые все же радовали глаз, исчезли. Потянулась тундра, однооб-разная, унылая.

Наконец решили собаку спустить с цепи. Она уже всех подпускала к себе, но ласковой была только с Верой Дмитриевной.

Цепь развязали, когда остановились на очередную ночевку. Собака начала прыгать, кататься по земле, повизгивая, виляя хвостом.

Она шумно выражала свою радость.

Но потом неожиданно оббежала раз-другой вокруг костра и сидевших вокруг него людей, подскочила к Ве-ре Дмитриевне, лизнула ей руку и, пролаяв всем, словно прощаясь, скрылась в темноте.

— Что-то с нею неладное, — протянул Грицко.

— Радуете воле, — заметил Макиннин.

— А по-моему, она ушла, — тихо сказала Вера Дмит-риевна.

— Куда ей идти? — рассмеялся Макиннин. — До того места, откуда мы ее забрали, верст триста. Да и рядом поблизости народа нема, кто бы мог ее приютить. По-кормить и то некому. Кругом тундра да тайга. Сгинет? Нет, вернется.

— А по-моему, она ушла совсем, — повторила Вера Дмитриевна.

— Вернется, — убежденно сказал Грицко.

— Точно, — согласился Макиннин. — Ее тут кормили, ласкали.

Но наутро проснувшись, убедились: собаки нет.

Не возвратилась она и к вечеру, хотя ради нее задер-жались с отъездом.

Утро и следующего дня было не веселым: собака не вернулась.

— Никак и в самом деле, ушла совсем, — вздохнул Грицко.

— Усе тогда, — покачал головой Макиннин. — Сгинет в тайге.

Вера Дмитриевна отошла в сторонку и заплакала.

Поздней осенью, уже под зиму, когда они вернулись на юг, старый охотник рассказал им, что по окрестным селам ходит необыкновенная история о собаке, которая в поисках хозяина прошла по тайге сотни километров.

Она до костей стерла лапы, упорно бежала к своему хозяину, и добежала до той избушки, где жила с ним, но избушка была забита, хозяин куда-то уехал.

Собака долго ждала его. По ночам она подвывала, горевала. Она вся опаршивела, шерсть с нее начала сле-заться, собака едва волочила ноги и, наконец, исчезла.

— Думаю так, что она ушла в тайгу и там околела, — за-кончил охотник. — Видать, собака и жила-то ради хозя-ина своего. А раз того не стало, решила, что и ей жить ни к чему. Резону нет.

— А какая она из себя была эта собака? — с трудом выговорила Вера Дмитриевна.

— Приглядная. Этакая, ну как сказать, ну вроде позо-лоченная. А лапы белые. Да еще и хвост был на конце белый. Да и на лбу, как положено, звездочка. Такую собаку как не запомнить. Во какой друг!

Окладников искал бухту на Барановом мысу, где более ста пятидесяти лет назад русский мореплаватель Гаври-ил Сарычев впервые в истории человечества произво-дил археологические раскопки в Арктике.

Было мучительно холодно. Ледовитый океан леденил своим дыханием. Стыло лицо, мерзли руки, ноги. Одну из остановок выбрали у реки Раучуа — Большая Бара-ниха. Вдали паслось стадо оленей. У небольшого чума, держа в руке длинный каюр, стоял старик-оленеvod и с интересом наблюдал за гостями.

Они не частые в тундре.

Мыс Амбарчик.
Дом воинов.
СПб филиал
Архива РАН

Мыс Амбарчик.
Дом воинов.
СПб филиал
Архива РАН

Отец говорил, высокий, до неба. А валькары... Ты видел когда валькары? Чумы. Из китовых костей сделанные. А может, из дерева и земли. Замечательные! Разве сейчас построят такие? И опять скажу: зачем сейчас такие строить, когда лес есть, камень есть, электричество есть. Ну скажи, зачем сейчас землянки, а?

Он вынул из кармана полотенце, не спеша вытер лицо, взял каюк и, словно бегун, сорвавшийся со старта, быстро зашагал по тундре.

Шли долго. Окладников вглядывался в побережье. Вдали виднелась бухта. Столба там не было.

— Здесь, — останавливаясь, крикнул старик.

— А где же столб? — спросила Вера Дмитриевна.

Старик растерянно оглянулся.

— Сам не пойму, я-то его отродясь не видел. Отец рассказывал. И верно: куда девался? Не унесли же его? Разве такой унесешь, а?

И вдруг сердито:

— И чего вы со столбом пристали? Чего столбов не видели, что ли? Их

в Москве, небось, страсть. Зачем было за ним сюда ехать? А вот этого в Москве нет. Гляди.

И он ткнул пальцем в остатки жилищ — пяти древних земляных юрт. Бугры, заросшие травой. Они выстроились на пологом склоне небольшой возвышенности у ручейка с чистой, по северному прозрачной водой.

— Мне идти надо, — сказал старик и начал прощаться.

— Спасибо, папаша, — сказал Окладников.

— На здоровье, — буркнул старик.

Уже отошел, но повернулся и крикнул:

— Столб, может, где и дальше. Ходить, искать мне некогда. Ты вот, как узнаешь, где он, скажешь. А то сельсовет спросит: куда столб делся? Не уследил? А? — закончил старик.

— Обязательно скажем, — вдогонку ему, улыбаясь, крикнула Вера Дмит-

риевна.

И Алексею Павловичу:

— Но те ли это валькары, о которых писал Сарычев?

— Проверим.

В одном из бугров-жилищ были ясно видны следы раскопок. Взяли лопаты, зачистили старый раскоп, и тут же появились шлифованные каменные ножи типа эскимосских уло, черепки толстостенных горшков.

— Да, именно здесь был Сарычев. Здесь зарождалась полярная археология. Мы находимся у ее истоков, — сказал Алексей Павлович.

Бухта была такая же живописная, как и те, в которых жили коряки у берега Охотского моря. По словам Сарычева, это было «лучшее место по всему Ледовитому океану».

Но она была намного севернее коряцких бухт, и Окладников понял — здесь жили покорители полярной ночи, о которых писал Фритъоф Нансен, предки эскимосов.

Окладников раскопал два жилища в этой бухте и одно в соседней. Обилие разнообразных находок. Эти древние юрты были сделаны из частогокола плотно примкнутых друг к другу тонких столбов. Нижние концы были грубо обработаны каменными топорами. По образному выражению сержанта Андреева, выдавшего такие постройки еще в XVII веке, дерево было, скорее, «зубами грызено, чем рублено».

Нелегко было работать строителям Заполярья в каменном веке. Однако они построили внушительные жилища. Одно из них превышало сто квадратных метров. Туннелеобразный входной коридор вел в две хозяйственные постройки.

Сколько было в жилищах домашней утвари! Каменные ножи, полудунные и кинжаловидные. Каменные тесла-топоры и каменные скребла для обработки шкур. Сосуды, остатки кожаной обуви. И конечно, самое примечательное — изготовленные из кости типичные эскимосские наконечники гарпунов поворотного типа с острыми каменными лезвиями, вставлявшимися в специальные боковые желобки. А какие изумительные изделия-статуэтки!

— Ведь надо же такую штуку сработать, — разглядывая чудесную фигурку медведя, тянул хрипчатый.

— Представляете, — ответил Окладников, — какое нужно упорство, чтобы на твердом куске моржового клыка, а то и бивня мамонта, простым острым камнем вырезать такую скульптурку или сложный орнамент?

И Вере Дмитриевне.

— Пожалуй, эти племена поднялись до самого высокого технического уровня, какого достигло человечество в каменном веке. Справедливо их культуру называют

арктическим чудом.

— Профессор, взгляни-ка, — показывая игрушки, шепотом, словно боясь разбудить малышкой, для которых они были сделаны, сказал хрипчатый.

Изумительный миниатюрный лук с тетивой и крохотными стрелами, маленькие блюда-корытца, крохотная байдарка с веслами и юла-волчок.

— Небось, те люди крепко детей любили, — сказал Макиннин. Люди были как люди.

Это было, как полагал Окладников, в последний вечер пребывания в экспедиции. На утро надо было упаковывать находки и отправляться в обратный путь. Должен был за ними подойти рейсовый пароход.

Алексей Павлович проводил всех спать, придвинулся к костру и сделал в блокноте короткую запись:

«Раскопки показали, что культура эта резко отличается от коряцкой! Несомненно, она принадлежала другой этнической группе. Сходна по типу с найденной на Аляске и на Чукотке у Берингова пролива».

Здесь жили предки эскимосов. Культура их древняя. Она сложилась из многих самобытных черт и для тех времен была высокоразвитой. Это, конечно, не были потомки мадленцев. Они шли не с запада. Наоборот, они двигались вдоль берегов океана, по морским островам на запад и остановились, не дойдя до Колымы. Несомненно, это были очень сильные духом люди».

Он оторвался от записи и задумался. Покорители полярной ночи. Как трудно им было! Ему вспомнилась трагедия острова Фаддея и залива Симса.

Тогда люди совершили подвиг, перед которым человечество вправе преклоняться, но они заплатили за него жизнью, хотя пришли на север спустя тысячелетия после того, как здесь появились эскимосы. А ведь эскимосы пришли сюда вооруженные только камнем, покорили полярную ночь и живут здесь тысячелетия. Десятки поколений сменяли друг друга и не отступали. Гибли, но не уходили отсюда.

Окладникову вспомнились предания Лены. Рассказывают, что случались там голодные годы. И тогда, видимо, старейшины племени, выносили решение: всем умереть. И все покорно умирали. А другие племена, зная это, все же шли в Арктику, на смену им. Не теряя веры в дикий север. И остались здесь навечно.

Так поступили и эскимосы.

Есть ли мера, какой может быть измерен этот подвиг?

Но пароход на следующий день не пришел. Не прибыл он и через два дня, и через три.

Алексей Павлович убедился, что продуктов мало, и пришел в ужас.

До ближайшего поселка — Амбарчика было сто ки-

Характеристика.

Я, Окладников Алексей Павлович,
 член КПСС с 1946 г., знаю Лобанова
 Александра Петровича с раннего
 моего детства. Мы учились вместе
 с ним в одной школе, сидели за
 одной партией. Я жил в его семье
 и встречался как с его отцом,
 Крестыничом-среднеком Петром
 Антоновичем Лобановым, так
 и с другими родственниками.
 Это была типичная ^{трудовая} крестьянская
 семья, жившая исключительно
 своим собственным трудом.

Характеристика, написанная
 А. П. Окладниковом для спасения
 репрессированного друга детства
 А. П. Лобанова, с которым он
 встретился во время Колымской
 экспедиции.
 СПб филиал Архива РАН

лометров. По раскисшей топкой тундре добраться туда было почти невозможно.

Пароход не пришел и назавтра. Положение становилось критическим. О, Алексей Павлович хорошо знал, что в таких случаях происходит с исследователями Заполярья. Урок Острова Фаддея и залива Симса был наглядным.

— Ребятки, — решил Окладников поговорить с рабочими, — у нас мало продуктов. Когда придет пароход — кто знает? Их может не хватить. А что если мы нормы снизим?

— Раз надо, куда деться? — глухо сказал Макинин.

А Грицко вдруг спросил:
 — А правда, будто иной раз путешественники на севере гибнут от голода?

Окладников считал, что люди, которые с ним, всегда должны знать правду. И он ответил:

— Правда.

Стало тихо у костра. Спать легли раньше обычного.

На раскопе работы велись, но вяло:

у меня большой ударом и полным
 отчаянием было известно
 и, что этот человек, бесконечно
 преданный родине и партии, был
 репрессирован, как ^{потом} оказалось, в
 результате клеветы.
 Встретив его ^{в 1946 г.} уже на Колыме, куда
 я попал во время экспедиции, я
 с радостью ^{не} мог убедиться, что переосе-
 лене не сломало в нем веры в человека —
 и не ожесточило, как он, напротив, был
 полон той же страстной ^и стремительной
 работой на благо Советского народа,
 для партии и ^{совет} нашего государства.
 И тогда он был, полон кипучей энергии,
 горел научными идеями и был полон
 творческих замыслов. Таким же он
 у меня нет никаких сомнений
 в том, что А. П. Лобанов должен
 быть восстановлен в партии, что
 он достоин быть ее членом.

находок не было, уже все они были взяты. Копали, чтобы занять время.

Великолепно вел себя Грицко. Словно ничего тяжелого не надвигается, он «спивал» песни. Пел даже во время работы в раскопе, чего раньше не было. Его слушали охотно, только, когда песни были уж очень тягучие, Макинин говорил хрипло:

— Не тяни за душу, давай чего там есть у тебя пободрее.

Прошел день, еще день, парохода не было.

Окладников заглянул в продуктовые запасы. Их оставалось катастрофически мало.

Надвигался голод!

И он вдруг ясно, мучительно ясно представил, что происходило в дни надвигавшейся трагедии там, на острове Фаддея, где он недавно был, почувствовал переживание людей, которые там были, их мучительный конец.

Неужели и его, и Веру Дмитриевну, и этих двух славных рабочих ждет тоже самое?

Там тоже были мужчины и одна женщина.

Теперь уже Алексей Павлович не находил покоя ни днем, ни ночью. Днем он то и дело поглядывал на океан, вставал даже по ночам.

О, он слишком хорошо знал, что делает на севере костлявая рука голода, когда ей удастся схватить людей за горло.

Океан был пуст. Ледовитый гигант, серый, неприветливый, всегда казался Окладникову хмурым.

А сейчас он выглядел жестоким. Точно таким, каким видел его Алексей Павлович у острова Фаддея. Океан мирился с сильными и был беспощаден с теми, кто решался вступить с ним в единоборство будучи немощным.

Сильный, суровый океан любил людей сильных, суровых.

Им удалось сюда добраться на лодке, когда океан был тих. И то трудно было. А теперь, когда по-осеннему океан начинал буйствовать. На лодке, как сказал Макинин, в океан и носа не высунешь.

Теперь Окладников уже беспрерывно вглядывался в хмурь океана. Волны катились одна за другой, тяжелые, безжизненные. Они катились вал за валом и каждый из них казался археологу девятым, и, казалось, не было среди них места пароходному дымку.

Снова решили снизить нормы.

Теперь они уже были совсем маленькими: миска жидкой похлебки из пшена или «шрапнели», как называл перловку Грицко.

Опустошив миску в первый вечер, как снизили нормы вновь, Грицко протянул:

— И до чего вкусна эта шрапнель! А ведь раньше не замечал.

— Раньше, небось, твоя мать тебя галушками кормила, зачем тебе была нужна шрапнель? — пробурчал Макинин.

— И то правда. А то варениками. А едал ты вареники с вишней? И кто их выдумал! Да ежели в них пару ложек сметаны, да такой, что в чашке ложка стоит.. Вот это да! Али к тому же борща. А в нем чего только нету! И слива, и перчик, и луковичка, и, конечно, сальца кус. А знаешь, старшой, какое у нас сало? В ладонь толщиной, а внутри розовое. На язык положишь, а оно таит...

— Хватит тебе, — прикрикнул на него старшой. — Все про еду, да про еду.

Он помолчал и тихо сказал:

— Уж ежели говорить так про шо? Нашел шо упомянуть. Галушки. А ты пельмени ел со сметаной? Или севрюгу, в яйцах запеченную? У ней поверху корочка, этакая румяная...

— Постой, а ты про шо баишь? Али не про еду?

— И то верно, — согласился Макинин и грузно поднялся и пошел в палатку спать.

Алексей Павлович и Вера Дмитриевна остались у костра. Она ни разу не упоминала о продуктах, хотя сама распорядилась ими и знала, что надвигается голод. Собственно, голод уже наступил.

Недостатки с продуктами в экспедициях бывали и раньше. Особенно на Лене. В годы войны вообще с продуктами было небогато. А в экспедициях? Тем более. Но там тайга, река были рядом. Ягоды, грибы... И, наконец, ленский карась. Ушица была хоть и без хлеба, а всем прочим хороша.

А здесь рядом океан, в нем рыбы уйма. Но к ней из-за прибоя не подступиться.

Разве только с риском для жизни.

Вера Дмитриевна, конечно, знала, что ждет их, но ни разу не напоминала о продуктах мужу: зачем, ведь сам знает положение дел. Лишний раз напоминать, как говорится, «бредить душу»?

Нет, лучше говорить о чем угодно, только не о том страшном, что надвигается.

И она о том, что и ее заставляло не спать по ночам, молчала.

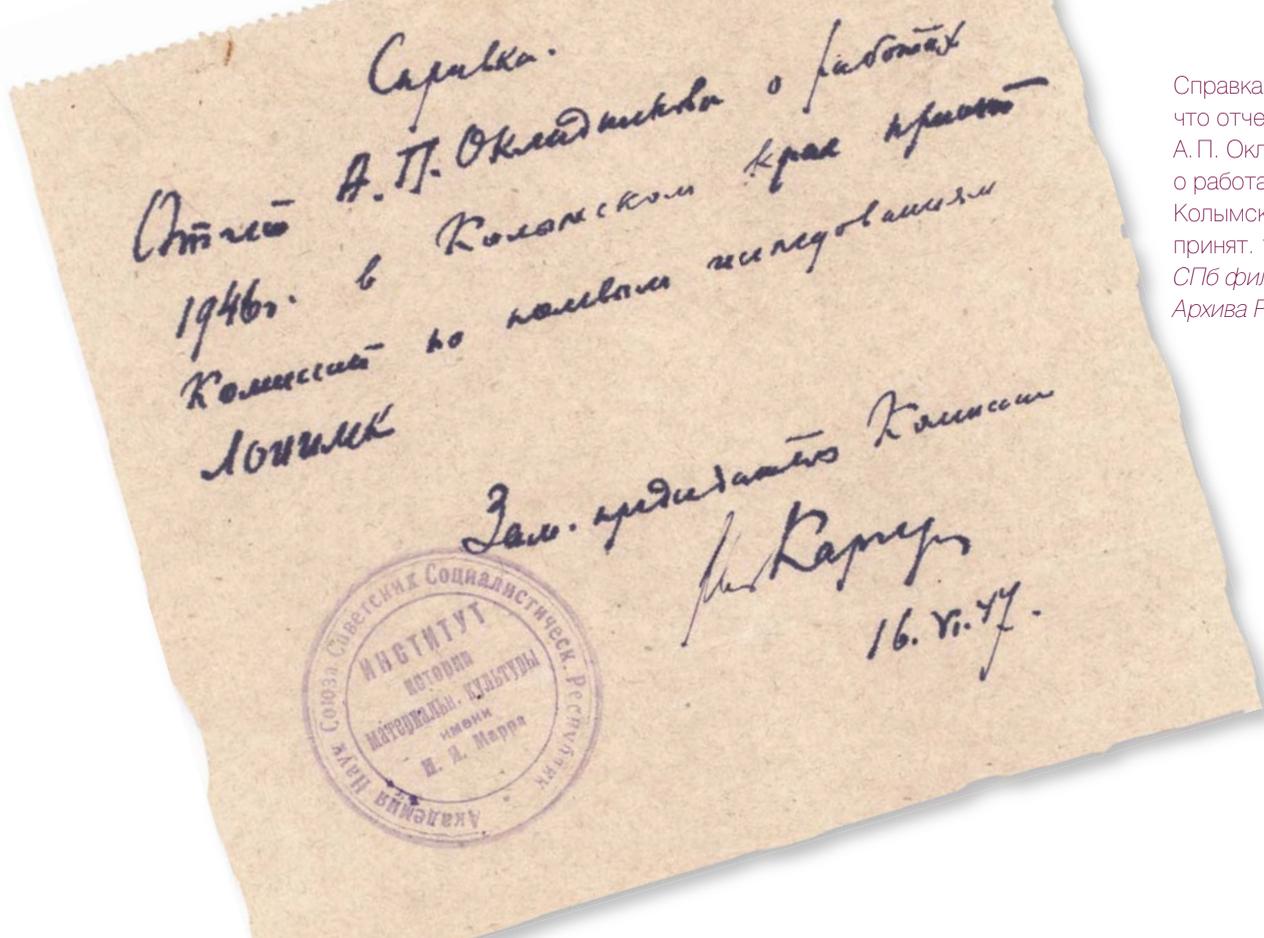
И Алексей Павлович был ей бесконечно благодарен за это.

Вера Дмитриевна ушла отдыхать, Алексей Павлович не решался с нею заговорить о том плане, который у него созревал.

Он остался у костра один. А вдруг пароход будет проходить в темноте? Костер заметит. Значит, надо задержаться. Может быть, вообще организовать дежурство у костра и жечь его всю ночь? Вдруг пароход будет проплывать ночью.

А вообще, пожалуй, ждать больше нечего. Надо не ждать судьбы, а пойти ей навстречу.

Он с одним из рабочих через тундру отправится в поселок. Они возьмут с собою продуктов чуть-чуть. Большую часть оставят тем, кто будет здесь. А здесь останется Вера Дмитриевна с другим рабочим. У них

Справка о том, что отчет А. П. Окладникова о работах в Колымском крае принят. 1947 г. СПб филиал Архива РАН

продуктов будет больше. Это в случае тяжелого конца продлит ее жизнь.

Это уже хорошо.

А Окладников в поселке запасется продуктами и на оленях доставит их сюда.

Но для этого ему придется с кем-то из рабочих пройти по раскисшей тундре сто километров. Удастся ли? Или они останутся где-то «там» навсегда?

Но что-то делать надо было. Иного выхода Окладников не видел.

Да его и не было.

Он закрыл глаза, и ночь, и костер, и тревога — все исчезло.

Перед ним стелилась тундра. А по ней шла людская орда. Шла неторопливо, зная, что путь долог, и силы надо беречь. Они шли, укутанные в меха, с меховыми капюшонами, в меховых унтах, какие делали на севере.

Шли старики с клочковатыми седыми бородами, которые колыхались на ветру. Шли молодые мужики. Шагали женщины, семенили ребята. Мужчины несли обработанные камни или палки. У многих женщин на руках были детишки.

Шли, казалось, молча, но Окладников понимал, что они не молчали, они вели разговор, какой можно было

вести в пути. Но они вели разговор тысячу, две, три, четыре тысячи лет назад, а может быть, и больше, и сквозь такую толщу времени разве человеческий голос пробьется?

А кругом была тишина, какая бывает, может быть, только во сне.

Окладников знает, что это сон, но не хочет просыпаться. Ему радостно видеть этих людей. Ведь то шагает сама история. И он здесь, на Барановом мысу раскрыл еще одну ее страницу.

И это отрадно. Пусть даже для этого придется пожертвовать жизнью.

Утром, когда покончили с похлебкой, Окладников повел разговор осторожно: по-дружески, без «нажима», словно советуясь с ними — ведь они делят с ним его тяжелую судьбу:

Он с этого и начал:

— Я хочу с вами посоветоваться. Ведь нас с вами ждет одна судьба. По каким-то причинам рейсовый пароход задержался. Когда придет — не известно. А у нас от этого зависит многое. Скажем прямо: зависит наша жизнь. Что же делать? Ждать? Нет. Давайте действовать. Я предлагаю двум человекам отправиться через тундру в поселок за продуктами. Запаситесь и доставите их сюда. На оленях или на себе, как удастся. А двум остаться здесь. Зачем? А вдруг подойдет рейсовый пароход? Тогда они грузят на него наши находки и уплывают. А

те двое, что в поселке, узнав, что сюда отправился рейсовый пароход, не возвращаются, а из поселка уезжают на юг, где все встречаются. Встреча в Магадане. Все. Те, кто идут, повторяю, берут продуктов немного, все остальное оставляют тем, кто будет здесь.

— А что делить то? — сказал Макинин. — Ничего нет. Мы-то знаем.

— Чем богаты, — пожал плечами Окладников.

— Понимаем, — сказал Макинин. — Вы от нас и крохи не скрываете. Ничего не скажешь.

— А я видел, что Вера Дмитриевна себе в миску меньше, чем всем наливает, — сказал Грицко.

— Да ведь я женщина, — заметила Вера Дмитриевна.

— Какая женщина, — махнул рукой Макинин, — работаешь как мужик.

— Хватит, — сказал Окладников. — Вернемся к моему предложению. Ваше мнение?

— Вы начальник, вам виднее, — протянул Макинин.

— Я бы хотел, чтобы мнение у нас было одно. Ведь у нас у всех одна участь: спасемся — так все. А не спасемся... — опять все.

— Продумано вроде все, — протянул Макинин. — Только вот кто осмелится сунуться в тундру? Сто километров по болоту. Я пробовал несколько шагов сделать, едва ноги вытянул. Одно слово, болото.

— Идти надо по кочкам, выбирать, — сказал Алексей Павлович.

— Попробуй, выбери. Я, например, не берусь.

— Что же, значит пойду я, — сказал Алексей Павлович. — Грицко, пойдешь со мною?

— Старшой опытный и то — тое... Куда же мне-то соваться? — отворачиваясь, сказал Грицко.

— Я пойду с тобою, Алексей Павлович, — сказала Вера Дмитриевна.

— Пойдем, — сказал Алексей Павлович. — А вы остаетесь здесь. Договорились?

Грицко, разинув рот, не мигая смотрел то на Веру Дмитриевну, то на Алексея Павловича.

— Нет, не договорились, — резко сказал он. — Это как же я потом людям в глаза смотреть буду? А вдруг с вами что там случится? Скажут, ты, что же, Грицко, женщину в болоте утопил, чтобы самому жить остаться? Да за меня ни одна порядочная дивчина замуж не пойдет. Скажет: «Ты же подлюка, Грицко». Нет, я пойду, а Вера Дмитриевна пусть здесь остается.

— Куда ты пойдешь? Рывкнул на него Макинин. — Ты же кочки от трясины не отличишь. Сам сгинешь и другого за собою потянешь.

И Алексею Павловичу:

— Пиши меня начальник, я пойду. Ежели сгину — туда и дорога. Я свое пожил и будя.

Он замолчал. Стало тихо.

— Значит решили? — сказал Окладников.

Макинин кивнул.

— Спасибо, — глядя на него, сказал Алексей Павлович, и повернувшись к Грицко, — и тебе спасибо.

Собрались быстро. Прощаясь, целовались все, как родные. Глядя вслед уходившим, Вера Дмитриевна плакала.

Однако Окладников не успел далеко отойти, когда его остановил окрик Грицко:

— Гляньте, кто-то к нам идет!

Окладников обернулся. Действительно, с другой стороны по берегу шел человек, шел по-старчески согнувшись, что-то неся на спине.

Окладников присмотрелся: это был старик чукча с Раучуа.

Археолог вернулся к лагерю. А Грицко бросился навстречу старику. Парень схватил его и вместе с мешком донес до лагеря.

— Вот я и присол, — сказал старик, улыбаясь. — Природитель сказал: был у тебя археолог? Куда дел? Я го-волю, никуда не дел, он сам усол. И он мне велел: иди к нему, скажи, сто паллоход будет чуть попозже. Чуть-чуть. Скажи: пусть здет. И еще велел: лыбы неси, мясо неси. У тебя есть сто кусать? На, бели.

И он начал вытаскивать из мешка рыбину одну за другой.

— Лаз бели, есе лаз бели, есе лаз бели...

Потом развязал другой мешок и вытащил из него три больших куска вяленой оленины.

Впервые за всю поездку Алексей Павлович объявил выходной день. И весь день варили и жарили рыбу и мясо. И ели, ели... Грицко пел украинские песни, Макинин — волжские, старик — песни чукчей.

Пела и Вера Дмитриевна.

Этот день, конечно, на всю жизнь запомнился и ей, и Алексею Павловичу.

На следующий день старик ушел. Прощаясь, все целовали его.

Старик улыбался.

— Чукча — блат, лусский — блат. Халсо!

И старик зашагал по тундре, по кочкам. Он шел так уверенно, словно перед ним стелилась асфальтовая дорожка. Конечно, в эту минуту он вряд ли думал о том огромном, что сделал для этих людей и, может быть, даже не подозревал, что спас им жизнь.